

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ГЛАВНЫЙ ДЕФИЦИТ КУЛЬТУРЫ – ДЕФИЦИТ МЕТАЯЗЫКА

Общепризнанно, что проблемы культуры произрастают от денег, но если копнуть глубже, то окажется, что от правил обращения с ними. Это тот случай, когда клин вышибается клином. Способ применения и контуры этого спасительного клина стали прорисовываться лишь недавно, а до этого культура была безоружной против денег и недужной в операциях с ними. Но, как бы культура ни чуралась финансовых расчетов, без них ей не вырваться из удушающих объятий бизнеса. Его прагматика зиждется на денежных исчислениях и координации – на них же может опереться прагматика культуры.

Принято считать, будто между деньгами и чувствами, числами и вкусом – пустое множество позитивных связей. Тем не менее число, при умелом обращении с ним, позволяет уточнить, кодифицировать, опубликовать вкусовое суждение. Б. Гройс чуть ли не единственный, кто четко выразил это: «Без обращения к денежному коду эстетическая оценка превратилась бы для нас в демонстрацию малоинтересного выбора между простыми „да“ и „нет“, или „хорошо“ и „плохо“, или „нравится“ и „не нравится“». <...> Между этими двумя вариантами не было бы пространства для дифференцированной оценки собственного эстетического чувства. Называние цены художественного произведения дает шанс судить об искусстве намного более точно и... вовсе не означает отказаться от эстетических чувств и переживаний и сосредоточиться на жестком расчете... Называние цены, которую ты готов заплатить из собственного кошелька за произведение искусства, – вот единственная герменевтика, адекватная искусству»¹. Гройс подразумевал куплю-продажу живописи. Мы же говорим о плате за качественное время, порождаемое искусством. Именно эта плата является оптимальным способом фиксации, измерения, сигнализирования и в конечном

¹ Гройс Б. Комментарии к искусству. М.: Художественный журнал, 2003. С. 211. Гройс иллюстрирует свой тезис примером: «Вся жизнь суммируется в оценке: эта картина стоит 2000 \$. И значит, в присутствии этой картины мы чувствуем себя так же, как в присутствии 2000 \$ – ни центом больше или меньше» (С. 213). Любопытно, как бы он развернул свою мысль в отношении киношедевра, билет на который стоит несколько долларов? Чувствуем мы себя во время просмотра адекватно этой скромной сумме или же на несколько центов лучше?

счете наращивания этого самого времени. В последнем мы предлагаем видеть цель человека и миссию культуры.

Деньги и объединяют, и разделяют людей по определенным признакам. По каким – это зависит от правил обращения с ними. Можно сделать так, чтобы интегрирующая/дифференцирующая функция денег затрагивала область символических характеристик, не навязывая при этом никому ничьего вкуса. Тогда, деликатно содействуя рефлексии по поводу культурного качества, деньги послужат культуре. В новой символически-ориентированной схеме отношений бизнеса с культурой третьей функция денег позволит каждой стороне делать свое дело. Бизнес сможет производить сколь угодно большое разнообразие, а культурное сообщество вычленил с помощью постфактумных платежей интересующие его кластеры качества.

Главное, что новая схема обращения с деньгами обещает превратить их в средство тонкой дифференциации и улавливания динамики символических процессов. Денежные знаки, напрямую связанные с субъективными оценками, выведут суждения из плена бинарных оппозиций – тех самых набивших оскомину «да» и «нет», «высокого» и «низкого», бесконечное перемалывание и пережевывание которых не продвигает ни на йоту вперед. Это трагедия гуманитарной мысли – хроническое бесплодие в анализе многополюсных пространств, насыщенных разнородными мотивами и группами интересов². Можно сколь угодно тщательно описывать состояния и фиксировать отличия, но в ситуации выбора из нескольких альтернатив дефицит языковых средств оказывается непреодолим³. То же относится к ситуациям, в которых действуют разнонаправленные силы. И уж совсем катастрофа, когда все решает относительная динамика процессов⁴. А такое бывает весьма часто. Или когда система близка к пороговым значениям, за пределами которых она перерождается. (В переломные моменты сторонники разных позиций могут находиться по разные стороны «склона», и в силу этого по-разному оценивать текущее положение. Зачас-

² Курт Левин, ясно понимавший эту сложность, предложил теорию поля. Однако для ее практического применения необходимы количественные измерения, техника которых, как я понимаю, не отработана (Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000).

³ Этими вопросами занимается, в частности, экономическая психология, но процесс принятия решения моделируется с довольно значительными упрощениями в сравнении с реальными ситуациями.

⁴ Поэтому трудно, не пользуясь термином «скорость», доказать, что Ахилл настигнет черепаху.

тую они не фиксируют этих расхождений и не в состоянии мыслить в единой системе координат.) Потому и не удастся вырваться из топких дискуссий о «высоком» и «низком», о том, что есть благосостояние и о влиянии права копирования, – речевые конструкции не предполагают суммирования разнородных логик. Их удастся обозначить, но никогда – помирить и сбалансировать.

Как читатель имел возможность убедиться, идея по-новому приладить деньги к культуре буквально витает в воздухе. Однако для того чтобы на практике создать работающий механизм, необходимо с ювелирной точностью состыковать ряд моментов. Деньги в их обычном применении эффективны благодаря комплексности их функций: измерения, обращения, платежа, накопления. Точно так же патронажно-коллаборативные схемы с деньгами войдут в обиход только при условии совмещения сразу нескольких функций. Первейшая из них – сигнальная, вторая – патронажная (отчисления в адрес авторов и правообладателей), третья – учетная (средство самоуправления индивида на основе учета личностной активности).

К настоящему времени изобретателям и практикам открылись важные слагаемые той новой схемы, которая предложена в данной книге: файлообменные технологии, добровольные постфактумные платежи, коллаборативная фильтрация. Но взятые по отдельности, они не образывали самодостаточной жизнеспособной системы и рисковали остаться инструментами для ограниченного круга задач. Лишь при условии, что будет задействован весь комплекс идей, а также при полной совместимости с рыночными механизмами возможна ключевая новация современности – институт независимой потребительской сертификации культуры.

Когда речь идет о социальных благах, связанных с добровольной оплатой за культурные продукты, большое значение имеет набор критической массы приверженцев. Всякая подобная норма поведения обладает характеристикой сетевого блага – чем больше людей ее исповедуют, тем она ценней и устойчивей. Но чтобы множество людей перешли к практике постфактумных платежей, идея должна быть сначала понята и принята, а это приходит в основном все с той же практикой. Сложность именно в синхронности и параллельности названных процессов, впрочем, наладить это не труднее, чем при всяком реформировании. Учитывая, что человек глуховат к неэкономической аргументации, платежи, сигнализирующие о качестве продукта или услуги, следует популяризировать не как форму патронажа, а как способ ин-

формационного самообеспечения пользователей. Традиционная экономика не может объяснить, зачем нужно что-то еще, кроме обычного механизма ценообразования. Это под силу дисциплине, способной оперировать с ценностью личного времени.

Для обществ, построенных на уважении индивидуальных ценностей и свобод, изобретение взаимовыгодной денежной фильтрации – это кладезь возможностей, сопоставимых с теми, что открываются благодаря освоению нового вида энергии. Сходство в том, что людям предстоит освоить новый информационный ресурс, вызволив его словно из недр атома, т.е. из составляющих социум элементарных частиц – из самих себя. А конкретным формам применения этого ресурса несть числа: от простейшей (но сейчас нетривиальной) персональной ориентации в товарном изобилии до фундаментальных изменений в культурных процессах.